

УДК 008

С.Е. Чичева, Е.Ф. Молевич*

ФОРМЫ АДАПТАЦИИ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются процессы глобализации в культуре. Предметом рассуждения становится вопрос, почему наряду с признанием глобализации объективным фактом современной реальности, а процесса формирования мирового экономического сотрудничества – закономерным и исторически обусловленным, целесообразность и успешность подобных процессов в культурной сфере представляются весьма спорными. Исследуются различные формы адаптации культур к условиям глобализации, эффективность и недостатки теории и практики мультикультурализма.

Ключевые слова: глобализация, мультикультурализм, принципы культурной гомогенности и гетерогенности, кросс-культурная адаптация, локализация, гибридизация, давосская культура.

Содержание процесса глобализации, характеризующего мировое развитие в начале XXI в., состоит в резком расширении и усложнении взаимосвязей и взаимозависимостей народов и государств. Это новая стадия общественного развития, новое качество социальных связей и общественных процессов, происходящих в различных сферах человеческой деятельности. Этот процесс объективен, подготовлен всем ходом исторического развития.

Поскольку многие ученые рассматривают глобализацию как мировой экономический процесс, большинство определений понятия «глобализация»

---

* © Чичева С.Е., Молевич Е.Ф., 2010

Чичева Светлана Евгеньевна (Svetlana_Tchitchova@gambler.ru), кафедра теории и истории культуры Самарского государственного университета, 443011, Россия, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Молевич Евгений Фомич (samgu_sociology@mail.ru), кафедра социологии и политологии Самарского государственного университета, 443011, Россия, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

дано с позиций экономического подхода, в которых глобализация рассматривается преимущественно как новая неолиберальная стадия мирового капиталистического развития. Тезис о том, что процесс формирования мирового экономического сотрудничества является закономерным и исторически обусловленным, практически не вызывает возражений и дискуссий. А вот целесообразность и успешность подобных процессов в культурной сфере представляются весьма спорными. Закономерно возникает вопрос: могут ли культурные ареалы и цивилизации Земли утрачивать качества, свидетельствующие об их своеобразии и идентичности, и поглощаться глобальной экономической системой?

Первым, кто открыто сформулировал и обозначил эту проблему, был директор центра стратегических исследований при Гарвардском университете С. Хантингтон. На основе данных, полученных в ходе исследований по проблемам взаимодействия цивилизаций, взаимовлияния различного типа культур, аккультурации, он сделал вывод, что основой для мировых войн XXI века станут межцивилизационные конфликты. При этом, как считает С. Хантингтон, основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой [1].

В рамках современных дискуссий по проблемам, связанным с природой и последствиями культурной глобализации, сложилось три подхода. Гиперглобалисты предсказывают гомогенизацию мира под покровительством американской массовой культуры или западной потребительской культуры в целом. Скептики подчеркивают суррогатный характер глобальных культур по сравнению с национальными культурами, сохраняющееся и даже растущее значение культурных различий. Трансформисты считают, что смешение культур и народов порождает культурные гибриды и новые глобальные культурные сети [2, с. 386–387]. Несмотря на кажущуюся разницу в подходах, все они тем не менее пытаются дать ответ на один вопрос: о степени влияния современной культурной глобализации на национальные сообщества и перспективы развития национальных культур. В результате отчетливо проявились две тенденции. Первая противопоставляет глобальные потоки культуры культурным потокам и институтам на национальном уровне. Вторая вообще не делает различий между влияниями, которые влекут за собой изменения в культурной идентичности и системе ценностей нации, и теми влияниями, которые трансформируют контекст национальной культуры и процесс ее формирования. На самом деле культурная глобализация изменяет контекст, в котором происходят производство и воспроизводство национальных культур, меняет средства, с помощью которых это осуществляется. Однако ее конкретное влияние на характер и эффективность национальных культур, т. е. на власть традиций, идей, ценностей и содержания, пока еще трудно определить.

Специфика культуры по сравнению с другими сферами социальной практики предполагает специфические способы и направления интеграции в этой области, которые, в свою очередь, задаются характером взаимоотношений мировой и этнических культур. В современном мире практически не осталось чистых этнических культур. Сегодня в любой культуре обнаруживаются этнически нейтральные (общемировые) и этнически окрашенные черты.

Разница в сочетании этих элементов культуры заметна в деревне и в городе, на разных континентах. Например, в Латинской Америке этническая культура в основном сохраняется средним классом и в деревне, Африка вообще слабо затронута общемировой культурой, в Азии (кроме Японии, где наблюдается явление бикультурализма) носителями общемировой культуры являются городское население и верхушка общества.

Закономерным следствием взаимодействия мировой и этнической культур является формирование культурно-исторических общностей. В современных условиях наиболее ярким примером такой общности служит Европейский Союз. Намного более цивилизованная, чем весь остальной мир, Европа тем не менее уважает, любит, ценит и сохраняет свою культуру, прекрасно понимая, что цивилизацией современные народы сближены, а культурами разделены. При этом культурное разнообразие и региональная специфика не помешали осуществлению в Европе интеграционных процессов. Здесь создано единое экономическое, торговое, образовательное пространство.

Признавая объективный характер процесса глобализации, европейские ученые, однако, указывают на тот факт, что в наше время уже нет таких сильных центров ассимиляции и интеграции, как, например, в XIX веке, а значит, необходимо выйти из рамок устаревших моделей межнационального и межцивилизационного общения. Нельзя не замечать, что такие понятия, как «интеграция» и «ассимиляция», уже не вполне отражают существо реально происходящих в современном мире изменений. Это, скорее, процессы гомогенизации и иммунизации, а современную цивилизацию следует признать цивилизацией гомогенизации. Кроме того, по их мнению, как в прошлом, так и в современных условиях глобализация происходит наряду с «локализацией», т. е. адаптацией глобальных культурных элементов к различным локальным условиям на основе местных традиций. Поэтому речь следует вести не о стандартизации, а об утверждении гетерогенности жизнедеятельности как нормативного стандарта. Таким образом, в процессе формирования новой мировой культуры сочетаются принципы культурной гомогенности и гетерогенности. Это делает возможным не только сохранение, но и возрождение традиций. И это дает культурологам основание говорить об обоснованности принципа «селективного восприятия» и «селективного освоения» культурных элементов в процессе взаимодействия и сохранения принципов культурной самобытности [3, с. 501–502].

Такое конструктивное понимание исторически обусловлено. Дело в том, что Евросоюз одним из первых столкнулся с необходимостью и неотвратимостью перехода к глобальному миру, функционирующему по законам, свойственным не классической модели национальных государств, а постклассическим установкам. К ним можно отнести переориентацию рациональности от «модерна» к «постмодерну», комплексность изменений социальных структур, доминирование мозаичности культуры, признание гражданского общества превалирующей формой социальной упорядоченности [4]. Эти изменения привели к появлению концепта и практики мультикультурализма.

На начальной стадии мультикультурализм как теоретическая концепция нового качества полиэтничности в постиндустриальном обществе, в отличие от ставки на ассимиляцию, исходит из возможности и даже полезности па-

параллельного существования этнических общин, представляющих различные культуры. Задача общественных институтов при этом состоит в том, чтобы максимально облегчить возможность такого существования, создав для этого благоприятные материальные и бытовые условия.

Однако существующая на сегодняшний день теория и практика мультикультурализма не дает пока адекватного решения проблем в этой сфере. Дело в том, что в нынешнюю, постиндустриальную, эпоху полиэтничность во всех развитых странах проявляется в том, что наряду с традиционным этническим составом появляется довольно значительное по численности пришлое население, которое составляют мигранты и переселенцы. Они отнюдь не стремятся раствориться, органично встроиться, интегрироваться в новую среду. Напротив, они создают свою инфраструктуру жизни – школы, газеты, радио, магазины, целые жилые кварталы; они активно сохраняют свою культуру и даже не считают нужным учить язык той страны, в которую они приехали на постоянное место жительства. Очевидно, что в такой своей практике они, с одной стороны признают и полагаются на состоятельность и действенность либеральных западных ценностей, а с другой – даже не пытаются скоррелировать с ними свою традиционную систему ценностей. Скорее, они пытаются перестроить Европу под себя (существо происходящих в Америке в этой сфере процессов во многом аналогично европейским). Учитывая, что тенденция увеличения пришлого населения в Европе сохраняется (а уже сейчас в Германии 60 % прироста населения дают выходцы из Турции, а в США на первое место по численности среди других групп населения вышли представители Латинской Америки), можно рассчитать, когда этот процесс станет необратимым и Европа перестанет быть Европой. Ученые говорят о процессе деевропеизации как реалии постиндустриального общества. По оценкам демографов, уже к середине XXI века европейцы перестанут быть титульной нацией в Европе.

По данным ООН, на сегодняшний день более 175 млн одних лишь легальных мигрантов – иммигрантов, беженцев, иностранных рабочих, предпринимателей, студентов и многих других групп проживают за пределами страны своего происхождения [5]. Естественным и неизбежным результатом столь массовых международных миграций становятся различные варианты интеракций мигрантов с принимающим этническим большинством. Опыт такого межкультурного и межэтнического взаимодействия изобилует проявлениями этноцентризма и ксенофобии, дискриминации по этническому признаку, межэтнической напряженности и открытых конфликтов. Известные отечественные этносоциологи Ю.В. Арутюнян и Л.М. Дробижева приводят данные Стокгольмского международного института изучения проблем мира: к концу XX столетия две трети из происходивших в мире социально-групповых конфликтов носили межэтнический характер [6]. В этих условиях вопросы межкультурного взаимодействия приобретают особое политическое значение, а разработка и опыт реализации теоретических моделей кросс-культурной адаптации имеют огромный практический интерес.

Однако все концептуальные схемы представляют собой лишь некие более или менее типические модели межкультурного взаимодействия, а реальная практика актуализации последнего отличается намного большей вариатив-

ностью. Скорее, обобщение разработанных концепций позволяет говорить о неких базовых адаптационных стратегиях межкультурного общения с непременным учетом конкретно-исторических условий такого общения в каждом отдельном случае.

Такой подход к изучению форм адаптации культуры в условиях глобального мира предложен авторами исследования, проходившего под патронажем Института по изучению экономической культуры при Бостонском университете. Исследование проводилось в десяти странах (Китай, Тайвань, Япония, Индия, Германия, Венгрия, ЮАР, Чили, Турция, США) в течение трех лет под руководством социолога Питера Л. Бергера и политолога Сэмюэля П. Хантингтона [7].

Авторы проекта исходят из признания факта существования зарождающейся глобальной культуры, в основном западной и американской по своему происхождению, которая распространяется во всем остальном мире как на уровне элит, так и среди широких масс. Общеизвестным является и то, что глобальная культура имеет свои средства распространения. Во-первых, это английский язык. Миллионы людей во всем мире, которые все чаще используют английский язык в качестве языка международного общения, делают это главным образом из практических соображений.

Из других средств распространения глобальной культуры, особенно актуальной для элит современных обществ, является то, что С. Хантингтон, во-вторых, назвал давосской культурой – международной культурой ведущих деловых и политических кругов мира. Ее основной двигатель – международный бизнес, управляющий экономической и технологической глобализацией. Но это культура не только тех немногих, кого приглашают в Давос, но еще и миллионов таких, кто хотел бы быть туда приглашенным [7].

Еще один элитный сектор зарождающейся глобальной культуры – глобализация западной интеллигенции, или то, что еще иногда называют клубной культурой интеллектуалов. Распространяется она академическими структурами, фондами, неправительственными организациями, некоторыми правительственными и межправительственными учреждениями.

Возникающую глобальную культуру распространяют и массовые движения, в первую очередь, евангелический протестантизм, особенно пятидесятничество. Чилийские и южноафриканские данные, например, свидетельствуют о том, что обращение в эту религию меняет отношение людей к семье, сексуальному поведению, воспитанию детей, к работе. Эта религия, как и раньше, учит людей «протестантской этике», т. е. воспитывает единственно приемлемую мораль для тех, кто хочет чего-то добиться в условиях современного капитализма.

Если расположить страны на шкале «принятие»–«сосуществование»–«синтез»–«отрицание», то картина глобализации в культуре выглядит следующим образом.

Агрессивно не принимают глобальную культуру традиционалистские государства, где все современные лозунги прикрываются либо религиозными знаменами (Талибан), либо идеями национализма (Северная Корея). При этом они, естественно, существенно теряют в другом: изоляция в культурном пространстве неизбежно влечет за собой и изоляцию от глобальной экономики.

Менее выраженные формы неприятия сложились в тех странах, правительства которых пытаются совместить участие своих стран в глобальной экономике с сопротивлением глобальной культуре. Самый яркий пример этого – Китай, где партийное руководство играет роль активного лидера почти во всех аспектах процесса глобализации, в том числе и культурной. Благодаря этому оно надеется сохранить свой авторитет и власть в стране, действуя по принципу: «Уж если и принимать глобальную культуру, то только под нашим партийным руководством и под нашими знаменами!»

Одним из результатов глобализации, как уже отмечалось, является локализация: глобальная культура принимается, но с существенными местными видоизменениями. Например, в Америке «Макдоналдс» является рестораном быстрого питания, где посетители съедают свой обед и сразу же уходят. А вот в Восточной Азии в таком же «Макдоналдсе» посетители после обеда задерживаются дольше, особенно такие категории, как домохозяйки, отдыхающие в ресторане после покупок и прочих дел, и школьники по дороге домой. Их привлекают чистое помещение, удобные туалеты и, что очень важно для домохозяек, защита от неуместных приставаний.

Под видом локализации проявляется еще одна разновидность реакции на глобальную культуру, которая характеризуется термином «гибридизация». Ярким примером последней является формирование деловой культуры китайцев, сочетающей наиболее современные методы ведения бизнеса с традиционным китайским персонализмом. С другой стороны, по мере интеграции Китая в систему глобальной экономики появляются и «гибриды» иного рода, такие, как «конфуцианский торговец».

Рассмотренные разновидности реакций на вызов возникающей глобальной культуры дают представление о существе происходящих в современную эпоху изменений и складывании новой конфигурации глобальной культурной целостности.

Библиографический список

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1.
2. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура / Д. Хелд [и др.]. М., 2004. 576 с.
3. Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002. 524 с.
4. Моисеева Н.А. Глобализация и «русский вопрос» // Социс. 2003. № 6.
5. Information kit on the United Nations Convention on migrants rights. URL: <http://www.portal.unesco.org>.
6. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1998. 271 с.
7. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М., 2004. 379 с.

*S.E. Chicheva, E.F. Molevich****FORMS OF ADAPTING CULTURE UNDER CONDITIONS OF GLOBALIZATION**

The article deals with the globalization processes in the culture. The issue under discussion is why alongside with recognizing globalization as an objective fact of today's reality and the process of forming the global economic cooperation as a naturally determined one, the practicability and success of such processes in the cultural sphere appears to be quite disputable. The investigated issues are different forms of adapting cultures to the conditions of globalization, efficiency and disadvantages of the theory and practice of multi-culturalism.

Key words: globalization, multi-culturalism, principles of cultural homogeneity and heterogeneity, cross-cultural adaptation, localization, hybridization, Davos culture.

---

* *Chicheva Svetlana Evgenievna* (Svetlana_Tchitchova@rambler.ru), the Dept. of Theory and History of Culture, Samara State University, Samara, 443011, Russia

* *Molevich Eugenius Fomich* (samgu_sociology@mail.ru) the Dept. of Sociology and Political Science, Samara State University, Samara, 443011, Russia.